

СПЕЦИФИКА РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ СФЕРЫ ТРУДА

О.В. Мраморнова

Саратовский государственный технический университет

В статье рассматривается уникальность российской экономической системы в дореволюционный период и ее трансформации с приходом к власти коммунистов, а также проведен анализ системы управления трудом в различные исторические периоды. Автор подчеркивает, что характер формирующихся в настоящее время рыночных институтов должен определяться историческими традициями развития экономики и всей общественной жизни России, особенностями менталитета ее народов. Игнорирование этого положения приводит к прямому копированию западных аналогов, не имеющих укорененности в российской социально-экономической системе и потому отвергаемых ею.

Обращение к социокультурному своеобразием России является особенно актуальным в современных условиях, так как неудовлетворительные результаты социально-экономических преобразований, проблема обеспечения высоких темпов экономического роста не снимают с повестки дня вопроса о правильности выбранной стратегии экономического реформирования. Представляется, что учет влияния данного фактора чрезвычайно важен для обеспечения успеха экономических преобразований. Выдающийся историк современности Ф. Бродель указывал, что в структуре любого общества выделяются несколько «множеств»: экономическое, политическое, культурное, социально-иерархическое. Экономическое множество может быть понято только лишь в связи с другими «множествами»: растворяясь в них, оно открывает им свои двери. Происходит постоянное действие и взаимодействие [1].

К. Поланьи подчеркивал институциональную природу экономической системы, являющейся подсистемой социального организма в целом. Он отмечал, что в примитивных, древних и средневековых обществах экономика «вложена» в социальные отношения, ими она и определяется. В Новое время соотношение экономики и общества меняется. Первая отделяется от второго, приобретает самостоятельность и черты саморегулирования. Со временем экономика начинает подчинять себе общество. Это и есть «великое преобразование», о котором говорит К. Поланьи. Вслед за экономическими факторами, — указывает он далее, — рынок подчинил себе и «социальную материю» общества, превратив землю, труд и деньги в товар. По своей природе труд, земля и деньги не являются истинными товарами. Это, по определению К. Поланьи, «фиктивные товары». В традиционной экономике они исключены из процесса купли-продажи. В феодальном обществе земля являлась источником социального статуса и не могла свободно приобретаться. Труд был «вложен» либо в институциональную структуру крестьянской общины, либо в цеховую организацию, поэтому свободный доступ труда на рынок был ограничен... Ни земля, ни труд, ни деньги не функционируют по законам обычного товарного производства. Они составляют «социальную ткань» общества. Как только рынок превращает их в товары, общество попадает под власть рынка... Капитализм разрушает «вложенность» экономики в социальные структуры. Саморегулируемый рынок подчиняет себе хозяйство, а затем и общество... В XX веке возникло обратное движение — труд, земля и капитал стремятся выйти из-под контроля свободного рынка. Этот процесс необратим, и вскоре экономика займет то место, которое ей предназначено историей [2].

Схема, описанная Поланьи, совершенно верно описывает процесс «завоевания» рынком общества в странах Западной Европы. Однако для России эта схема не применима или не полностью применима, так как этот процесс в России полностью не осуществился — полного «захвата» рынком экономики и общества в целом так и не произошло.

Многие исследователи, как дореволюционного периода, так и современные, обращают внимание на уникальность российской экономической системы. Выдающиеся русские экономисты XIX — начала XX в. подчеркивали ее глубинную специфику. Россия была крестьянской страной, и экономист-народник В.П. Воронцов обращал внимание на принципиальное отличие крестьянского хозяйства от хозяйства капиталистического. Для последнего работа в убыток не может логически быть допустима. В отличие от товарного производства в крестьянском хозяйстве главную роль играет не капитал, а труд. И если убытки капиталистического предприятия могут привести к его краху, то «недочеты по мелкому производству могут быть до известной степени восполнены сокращением потребления трудящихся». В земледелии сам крестьянин рассчитывает, что «главная масса добытых им продуктов будет потреблена его же семьей» [3].

Специфика крестьянского хозяйства как принципиально нерыночного нашла глубокое отражение в менталитете русского крестьянина. Крестьянин в своей хозяйственной деятельности руководствовался нерыночными критериями. Работа не на рынок, а для собственных нужд, не извлечение прибыли, а удовлетворение потребностей крестьянской семьи был основой существования жителя деревни, так как крестьянское хозяйство антирыночно в своей основе.

К аналогичным выводам о моральном характере экономики крестьянского хозяйства в начале XX в. пришли русские ученые-аграрники А.В. Чаянов, Н.Д. Кондратьев, Н.П. Макаров. Сам термин «моральная экономика» введен и активно используется в наше время в англо-американской исторической и экономико-социологической литературе для характеристики такого типа экономики, при котором производство ориентировано не на продажу, а на потребление. Нормы поведения в условиях такого типа экономики обусловлены традициями самого общества, противоположными логике рыночного хозяйства.

Моральному типу экономики соответствовали и патерналистские отношения, складывавшиеся между русским крестьянином и помещиком. Барин был обязан заботиться о своих крестьянах, а в неурожайные годы и кормить их. Помещики вынуждены были даже давать расписки в том, что они не оставят своих крестьян на произвол судьбы. Таким образом царское правительство заботилось о своих налогоплательщиках.

С падением крепостного права, отмечает далее М.И. Туган-Барановский, «самое существенное отличие нашего хозяйственного строя от строя Запада исчезает, и в России получает свободу развития новая хозяйственная система, господствующая и на Западе, — капитализм» [4]. С позиций сегодняшнего дня можно отметить, что эти отличия так и не были преодолены, так как, в отличие от западных стран, Россия не прошла стадию капитализма.

Современный исследователь Л.В. Милов отмечает, что в России на протяжении нескольких столетий преобладали так называемые «неадекватные» или переходные формы капитала. Они не приводили к возникновению антагонизма между трудом и капиталом, заработная плата свободного труда в России всегда была довольно высокой, что означает, согласно Л.В. Милову, присвоение самим работником значительной доли прибавочного продукта, созданного им [5].

В советский период многие прежние экономические традиции сохранились, претерпев определенные трансформации. По мнению В.В. Радаева, экономика России так и не развилась в обособленную и самодостаточную сферу, оставаясь в подчинении политике, идеологии, военным нуждам. В советский период подчинение экономики интересам партийного руководства доходило порою до максимальных размеров. Плановая система создала гигантскую редистрибутивную машину, перекачивавшую через механизмы фиксированных цен и прямых изъятий огромную массу ресурсов между хозяйственными корпорациями и регионами. Приходилось дополнять технократические методы организации развитием патернализма в отношениях с массой исполнителей как на уровне государства, так и на уровне отдельных предприятий. Это означало наличие системы строгой субординации, при которой нижестоящие могли рассчитывать на защищенность и заботу со стороны вышестоящих. Социальная защищенность обеспечивалась полной занятостью и низкими требованиями к выполняемой работе, а также гарантированным минимумом заработной платы, товаров и услуг, многие из которых предоставляются бесплатно или за символическую цену [6].

Уникальные черты российского менталитета нашли свое воплощение в российских национальных экономических традициях, которые в свою очередь, оказывали обратное влияние на национальный характер и способствовали консервации отдельных его черт. Важнейшими российскими экономическими традициями являются, прежде всего, общинное земледелие, являвшееся основной формой производственных отношений в сельском хозяйстве на протяжении многих веков. В промышленности основной формой организации труда и производства являлись артели — демократические самоуправляющиеся организации работников, существовавшие во всех сферах общественного производства.

Другой важнейшей отличительной особенностью самобытной российской экономической системы является преобладание морально-этических начал организации экономической жизни общества, значительное влияние православных христианских ценностей на экономическую деятельность, обусловивших понимание необходимости общественного служения, меценатства и благотворительности российских предпринимателей.

Российские институциональные преобразования реформационного периода имели своей целью скорейший перевод экономики страны на рыночные рельсы. Однако такая задача вряд ли могла быть решена, тем более в короткие сроки, если принимать во внимание нерыночный характер экономики России на всем протяжении ее истории, соответствующий такому характеру экономики менталитет населения и особенности социума в целом.

Попытка «внедрения» рыночных форм регулирования трудовых отношений предпринята в новом Трудовом кодексе. Однако несоответствие его положений существующим реалиям привело к тому, что значительная их часть не выполняется или просто игнорируется работодателями.

Хотя Трудовой кодекс требует заключения трудовых договоров в письменной форме (ст. 67), большинство заключаемых соглашений, тем не менее, являются устными. По-прежнему широко практикуется прием на работу на основании заявления и подтверждение факта приема на работу приказом, который подписывается директором предприятия. Таким образом, большая часть трудовых договоров заключается неформально, в связи с чем возникает вопрос об обеспечении их исполнения. Заключение неформальных договоров особенно характерно для частного сектора, однако, присуще и другим секторам экономики в отношении многих работников.

Новый Трудовой Кодекс не защищает работников от дискриминации при приеме на работу, что было предусмотрено старым КЗОТом (Ст. 16).

Институт оплаты труда в результате реформирования не смог приобрести черты, присущие ему в рыночной экономике. По мнению Г.Ю. Дубянской, все годы реформ проводилась политика жесткого ограничения заработной платы и ее административного регулирования. Это обусловило постоянное проигрывание заработной платы в соревновании с ценами, а также взимание с получателей заработной платы инфляционного налога. Механизм реальной индексации заработной платы так и не был задействован, в особенности это касается минимальной заработной платы и оплаты труда бюджетников [7]. Несоответствие размера вознаграждения результатам труда лишает заработную плату ее стимулирующих функций.

Несмотря на отмену регулирования оплаты труда в негосударственных секторах, система тарифов продолжает применяться при установлении уровня заработной платы в этих секторах экономики. Исследование генеральных директоров акционерных обществ и руководителей государственных предприятий (Isrie), проведенное Всемирным банком в 1996 г., показало, что 95% респондентов используют тарифную сетку при установлении уровня заработной платы. На 85 производственных предприятиях выборки (в которую не входили новые частные предприятия) тарифная сетка продолжала играть важную роль. В 1996 г. 68% респондентов указали, что они либо непосредственно применяли государственную тарифную сетку, либо использовали ее в качестве базы для расчета своей собственной шкалы окладов. В 2000 г. Эта цифра составила 71% [8].

Развал системы централизованного управления трудом привел к ликвидации бюро нормирования и организации труда на предприятиях. В результате предприятия оказались лишенными методического обеспечения в определении численности работников на предприятии и в отдельных подразделениях, основ для расчета оплаты их труда, совершенствования организации труда.

В советский период усилиями специалистов центрального бюро нормативов по труду (ЦБНТ) и соответствующих отраслевых организаций была создана солидная нормативная база, которая в 80-90-е гг. Оказалась утраченной, что несомненно сказалось на качестве функционирования предприятий. В настоящее время значительная часть нормативно-исследовательских организаций ликвидирована. Однако предприятия и научные работники понимают все негативные последствия этих процессов для результативности работы предприятий. Попытки возрождения исследований в сфере организации и нормирования труда сейчас наметились [9].

Также на многих предприятиях были упразднены бюро охраны труда. Увеличилось число случаев производственного травматизма. Причем доказать свои права работнику, получившему травму, бывает, зачастую, очень сложно. Смертность на рабочем месте составила в саратовской области в 2004 году 77 человек, что превысило уровень предыдущего года.

Анализ сложившейся ситуации в сфере труда показывает, что механическое перенесение западных институтов на российскую почву приводит к возникновению так называемого «институционального вакуума», когда институты, существуя де-юре, не выполняют возложенные на них функции де-факто. Такие институты маргинализируются, перестают соответствовать самому понятию «институт»¹. Образовавшийся вакуум заполняют неформальные институты, выполняя те же регулирующие функции, но уже теньевыми а, зачастую, и криминальными ме-

¹ Категория «институт» предполагает наличие определенных «правил игры», рамок, ограничителей деятельности людей, а также определенных санкций за нарушение этих правил.

тодами. При этом деструкции подвергаются не только сами формальные институты, но и неформальные, традиционные для данной культуры. Так, например, с древних времен в России договор подряда артелями заключался в устной форме, однако выполнялся обеими сторонами всегда неукоснительно, что и нашло отражение в пословице: «Договор дороже денег». Современные договоры, как было показано выше, заключаются преимущественно в устной форме, однако условия такого договора работодатели легко нарушают, в большинстве случаев не подвергаясь никаким санкциям. Таким образом формальный институт, призванный регулировать трудовые отношения, не выполняет своих функций. Нарушенные права работников компенсируются неформальными институтами, в частности, теневыми формами оплаты труда.

Отмеченные явления представляют собой, отчасти, причину того, что институт социального партнерства пока плохо приживается на российской почве. При этом из этого факта делается вывод, что не следовало спешить с созданием институтов социального партнерства, но раз они возникли и существуют, следовало бы их распустить.

Особенности российской социально-экономической системы, получившие органичное продолжение и в советский период, не позволяют создать в короткие сроки систему социального партнерства, близкую той, что имеет место в странах Запада. Сама постановка такой задачи представляется утопичной. Принятый в нашей стране курс на формирование отношений социального партнерства не должен принимать форсированных темпов. Институциональные меры, предпринимаемые в данном направлении, вряд ли могут принести скорые желаемые результаты. Так, например, в Саратовской области принят Закон о социальном партнерстве [10], который отсутствует еще на республиканском уровне, проводятся конференции, в том числе и международные, по этой проблеме. Однако не существует значительных отличий в области социальной защищенности работников в сфере труда по сравнению с другими регионами страны, особенно в частном секторе.

Сложным представляется определение типа социально-трудовых отношений в современной России. Система государственного патернализма разрушена, социальное партнерство не получило достаточного развития. Ситуация характеризуется переходностью, сохраняя черты как той, так и другой системы, причем зачастую в искаженном, принимающем теневые формы, варианте.

Следовательно, возможно и эффективно лишь постепенное, эволюционное реформирование социально-трудовых отношений. Это реформирование должно базироваться на учете российских традиций в сфере труда, ментальности населения.

Литература

1. Бродель Ф. Динамика капитализма. — Смоленск, 1996. С. 68.
2. Polanyi K. The economy as instituted process // *The sociology of economic life* / Ed. by M. Granovetter and R.S. Swedberg. Oxford, p. 34–35.
3. Зверев В.В., Даниельсон Н.Ф., Воронцов В.П. Капитализм и пореформенное развитие русской деревни (70-е – начало 90-х гг. XIX в.) // *Отечественная история*, 1998. № 1. С.160.
4. Там же. С. 134.
5. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. — М., 1998.

6. Радаев В.В. Хозяйственный мир России: советское общество // Российский экономический журнал, 1996. № 4. С. 69.
7. Цит. По: Вопросы статистики. 2004. № 1.
8. Российский рынок труда: путь от кризиса к восстановлению. — М., 2003. С. 112.
9. Миускова Р. Возрождение организации и нормирования труда — путь к повышению конкурентоспособности // Человек и труд, 2003. № 10. С. 86.
10. Закон «О социальном партнерстве» от 27.05.1998 г. Саратовской области принят Саратовской Областной Думой.